

Алёна Чубарова, Ирина Егорова

О ПОЭТЕ ГОВОРЯТ СТИХИ
(хроника съёмок фильма о Сергее Есенине)

Действующие лица

На съёмочной площадке:

Режиссёр

Сценарист

Съёмочная группа:

Ассистентка

Гримёр

Костюмер

Реквизитор

Актеры, играющие разные роли:

Актер с гитарой

Претендент на роль Есенина

В кадре:

Мать Есенина

Сваха Хаичка

Профессор Сакулин

Анна Изряднова

Вадим Шершеневич

Поклонница Есенина

Александр Блок

Горничная

Фёдор

Солдат из крестьян

Солдат Сорокин

Почтальон

Рюрик Ивнев

Другой поэт

Айседора Дункан

Переводчик

Кучер

Голос «За кадром»

Посыльный

Галина Бенеславская

Анатолий Мариенгоф

Подруга Бенеславской

Яков Черняк

Дед

Никола

Съёмочный павильон, несколько декораций, незамысловатая мебель, осветительные приборы, в глубине сцены - экран.

КАДР 1.

Шум ярмарки, голоса. Появляются актеры, кто продает, кто покупает. Девушки покупают у корабейника праздничные платки. Один из торговцев предлагает товар зрителям. Актер с гитарой начинает петь романс на стихи Есенина «Клён ты мой опавший».

На экране кадр с сельским пейзажем.

Девушки начинают прохаживаться, постепенно переходя в танец.

РЕЖИССЁР. Хорошо. Снято.

Костюмер собирает «отработавшие» костюмы и реквизит, актеры ждут дальнейших распоряжений.

Теперь – сцену с Есениным. Гдѣ Есенин?– Где актер, который играет Есенина? Что, еще не приехал?

СЦЕНАРИСТ. Ну, сейчас будет... звонил, едет, едет... Вы же знаете – пробки.

РЕЖИССЁР. Пробки? У него пробки, а у меня – смета. Продюсер закроет проект, вы понимаете, и все останутся без работы.

Съёмочная группа ропщет.

СЦЕНАРИСТ. Не волнуйтесь. Я с ним поговорю – не закроет! И вообще, давайте начнём без него. У нас есть сцены...

РЕЖИССЁР. Какие сцены? Есенина без Есенина снимать нельзя!

СЦЕНАРИСТ. Давайте снимем массовые сцены. Массовка ждѣт – вот (*показывает на зрителей*).

РЕЖИССЁР. Зачем мне ваша массовка без Есенина?

СЦЕНАРИСТ. Хорошо, тогда у нас есть чисто женская сцена – мать Есенина и сваха Хаичка. Село Константиново (*дает распоряжение на перемену декорации*). Комната в избе. Мотор?

РЕЖИССЁР. Мотор

АССИСТЕНТ. Эпизод семнадцатый, дубль первый.

КАДР 2.

На экране интерьер домика Есенина в Константиново

Мать Есенина, сваха Хаичка.

МАТЬ (*Видит в окно соседку*). Хаичка к нам идет... да нет это она, наверное, к Тимофевне... К нам-то ей незачем.

Входит Хаичка.

ХАИЧКА. Здравствуйте, с праздником вас.

МАТЬ. И тебя с праздником. Проходи, садись.

ХАИЧКА. Уж есть хорошо вы живете-то, и изба ладная и храм божий рядом.

МАТЬ. Не жалуемся.

ХАИЧКА. А где же, Таня, у тебя еще-то твои?

МАТЬ. Все мы тут. Сергей спит вон... (*кивает в сторону соседней комнаты*).

ХАИЧКА. Хорошо, хорошо вы живете...

МАТЬ. Хорошо.

ХАИЧКА. Сынка-то женить не думаешь?

МАТЬ. Да нет, рано еще, не думали.

ХАИЧКА. Ну, где же рано, ровесники его давно поженились, пора и ему.

МАТЬ. Не знаю, мы волю с него не снимаем, как хочет сам.

ХАИЧКА. А вы не давайте зря во- лю-то, женить пора. Вот Дарье-то охота Соню к тебе отдать. И жени! Девушка сама знаешь, какая, что красавица, что умница. Другой такой во всей округе нет.

МАТЬ. Девка хорошая, знаю... Я поговорю с ним.

ХАИЧКА. И поговори!

МАТЬ. Проснется, поговорю.

ХАИЧКА. А потом мне скажешь.

МАТЬ. Давай чай с нами пить.

ХАИЧКА. Некогда мне чаи распивать, пойду. *(Уходит.)*

МАТЬ. Как же, не дашь ему воли! Ему с барыней гулять охота... Не будет он жениться. Эх, Серёжа, Серёжа! Да проснись же!.. *(Выходя из образа.)* Ну, а дальше у меня с Есениным сцена... как мне играть? Одной за двоих что ли?

РЕЖИССЁР. Стоп... Где этот... Не явился?

СЦЕНАРИСТ. Спокойно-спокойно. Будет с минуты на минуту. Давайте пока снимем другую сцену... *(листает сценарий)* ну, вот, например, с профессором Сакулиным.

РЕЖИССЁР. Так, к нему со стихами Есенин приходит.

СЦЕНАРИСТ. А мы можем снять, что приходит жена Есенина...

РЕЖИССЁР. Какая жена?

СЦЕНАРИСТ. Первая жена Есенина – Анна Изряднова – корректор, они с Есениным вместе в типографии работали. *(Делает распоряжения актерам, костюмеру, гримеру.)*

РЕЖИССЁР. Но к профессору приходил Есенин. Он никогда не допустил бы, чтобы за него просила женщина.

СЦЕНАРИСТ. Откуда мы можем знать, что он допустил бы, а что не допустил. У нас художественный фильм, а не документальный.

Ассистент с хлопушкой готовится объявить кадр.

РЕЖИССЁР. Я не посмею переделывать историю!

СЦЕНАРИСТ. Да мы вообще не знаем, каким был Есенин.

РЕЖИССЁР. А исторические документы? А воспоминания современников?

СЦЕНАРИСТ. Документы часто противоречат друг другу, а люди помнят не то, что было, а то, что хотят вспомнить.

РЕЖИССЁР. Но есть устоявшийся образ.

СЦЕНАРИСТ. Легенда, миф. О поэте говорят его стихи.

Пауза

АССИСТЕНТ. Ну, так как?

РЕЖИССЁР *(обречённо)*. Мотор!

КАДР 3.

На экране интерьер кабинета начала века.

Профессор сидит в кресле, перед ним стоит скромная девушка.

ПРОФЕССОР. Ну, читайте...

ИЗРЯДНОВА *читает одно из ранних стихотворений С. Есенина, например, «Гой ты, Русь, моя родная...»*

ПРОФЕССОР. А вы знаете, не плохо. Благодарю вас. Я как будто прочел ушами. Теперь я, как будто вижу текст и, как дегустатор поэтического вина, могу определить, что это стихотворение — образец подлинной поэзии. Я поздравляю вас, ваш муж, Сергей...?

ИЗРЯДНОВА (*подсказывает*). Есенин.

ПРОФЕССОР. Сергей Есенин, как мне кажется... да я уверен, — законно вступил в поэтический цех российской словесности.

ИЗРЯДНОВА. Но это стихотворение, Павел Никитич, нигде не хотят печатать. Он посылал его в двенадцать редакций. Даже не отвечают...

ПРОФЕССОР (*смеётся*). Это как раз нормально. Вы, надеюсь, наслышаны о Горьком и Шаляпине?

ИЗРЯДНОВА. Немного....

ПРОФЕССОР. Так вот, оба эти друга однажды пришли наниматься в хор. Регент, как водится, заставил их держать экзамен. Спел что-то Алексей Максимович. Потом спел Федор Иванович. А кончилось дело...анекдотично, вы не поверите... Горького зачислили в хор, а Шаляпину отказали.

ИЗРЯДНОВА. Вы хотите сказать...

ПРОФЕССОР. Да, девочка моя, да. Я хочу сказать, что когда это стихотворение будет перепечатано в журналах, сборниках, альманахах двадцатый раз, вспомните, пожалуйста, чудака Сакулина, который предсказал вам это.

РЕЖИССЁР (*смахнув набежавшую слезу*). Эх, хорошо играют, черти. Снято.

СЦЕНАРИСТ. Ну, вот видите, с Изрядновой получилось очень даже неплохо.

Ассистент несет горячий кофе для Режиссёра. Все актёры выходят на площадку, в «боевой» готовности.

РЕЖИССЁР. Ну ладно, а теперь — Есенин... Где он... что, до сих пор не приехал?

ПРЕТЕНДЕНТ НА РОЛЬ ЕСЕНИНА (*фыркнув*). И не приедет.

Пауза.

АКТРИСА. Оба-на...

РЕЖИССЁР. Не понял?

ПРЕТЕНДЕНТ НА РОЛЬ ЕСЕНИНА. Он в рекламе сегодня снимается. Там же деньги совсем другие!

РЕЖИССЁР. Ах, в рекламе?!! (*Ассистент, пятась, уносит кофе*) Снять с роли!

СЦЕНАРИСТ. Вспомните, сколько мы его искали!

РЕЖИССЁР (*рычит*). Вот отснимем фильм — убью. Перекур. (*Уходит.*)

СЦЕНАРИСТ (*претенденту*). Ты зачем его заложил? Что у тебя не бывает ситуаций?.. Да что за народ?.. (*Уходит вслед за режиссёром.*)

Пауза.

ПРЕТЕНДЕНТ. А что? Если звезда — всё можно? А я бы не хуже сыграл Есенина. Лучше даже.

АКТЁР. Не заводись. Начальству виднее.

АКТРИСА. А вот у меня в такой ситуации неустойку вычли!

2 АКТРИСА. Все говорят — нет правды на земле. Но нет её и...

АКТЕР С ГИТАРОЙ. О чём вы спорите, ребята? О чём?.. Я вот что думаю по этому поводу.

Поёт романс на стихи С. Есенина «Над окошком месяц...», Актеры остаются слушать песню. Претендент на роль Есенина уходит, по окончании романса возвращается, разбрасывает по полу бумажки, горстки подбрасывает кверху, читает перевернувшиеся. Актёры с недоумением следят за его занятием.

АКТЁР. Ты чего дурью маешься?

АКТРИСА. В детство впал, в фантики играет.

ПРЕТЕНДЕНТ. Это было в Богословском переулке,

АКТРИСА. Где-где?

ПРЕТЕНДЕНТ. Где Есенин жил вместе с Мариенгофом. На каждой бумажке было написано какое-нибудь слово: название предмета, птицы, или качества. Он наугад брал в горсть записки, подкидывал их, и потом хватал первую попавшуюся. Иногда получались яркие имажинистские сочетания.

АКТРИСА. Да чушь! Стал бы он, поэт, заниматься таким бредом!

ПРЕТЕНДЕНТ. Он называл это машиной образов.

АКТЁР. Сам ты машина.

ПРЕТЕНДЕНТ. В «Ключах Марии» он говорит, что поэт должен искать образы, которые соединяли бы его с каким-то незримым миром.

АКТРИСА. В чьих ключах?

ПРЕТЕНДЕНТ. Ребята! Ну, если вы снимаетесь в фильме о Есенине, нужно же хоть что-нибудь прочесть, кроме двух-трёх стихотворений из школьной программы.

АКТРИСА. Ой, а я только «Колобка» читала...

ПРЕТЕНДЕНТ. Для начала сойдет.

АКТЁР. Ладно, умник! Не выпендривайся. Всё равно тебя на роль не назначили. Я, между прочим, и «Страну негодяев» читал, и «Пугачёва»...

АКТРИСА. Так, ребята, ша, режиссёр идёт.

Все дружно собирают валяющиеся бумажки.

Режиссёр и сценарист выходят, продолжая разговор.

РЕЖИССЁР. Я спокоен, спокоен. Я абсолютно спокоен. О!

СЦЕНАРИСТ. Что?

РЕЖИССЁР Для большого искусства нужны крепкие нервы. *(Сценаристу.)* Запишите!

СЦЕНАРИСТ. Уже записано. *(Читает по сценарию.)* Москва. Книжная лавка поэтов. Вадим Шершеневич и поклонница Есенина. Мотор?

РЕЖИССЁР *(обреченно)*. Мотор.

Выбегает Ассистентка.

АССИСТЕНТ. Эпизод такой-то, дубль такой-то.

КАДР 4.

Вадим Шершеневич, Поклонница Есенина.

На экране меняются портреты Есенина

У прилавка в качестве продавца стоит Вадим Шершеневич, входит дама в очках, с зонтиком, в кружевах и рюшах.

ПОКЛОННИЦА. Сергей Алексан-дро-вич!

ШЕРШЕНЕВИЧ. Вам Есенина? Серега, к тебе пришли...

ПОКЛОННИЦА. Сергей Александрович! Ах, как давно...

ШЕРШЕНЕВИЧ. Вам Есенина? Я сейчас...

ПОКЛОННИЦА. Как давно меня мучает один вопрос. Можно, я вам его задам?

ШЕРШЕНЕВИЧ. Да я – не...

ПОКЛОННИЦА. Не откажите в любезности, удовлетворите...

ШЕРШЕНЕВИЧ. Дамочка...

ПОКЛОННИЦА. ...любопытство. Скажите, как вы пишете стихи?

Шершеневич смотрит хитро и вдруг говорит, словно век жил на Оке, растягивая слова и напирая на букву «о».

ШЕРШЕНЕВИЧ. Пишу-то? Как бог на душу положит.

ПОКЛОННИЦА. А... По сколько стихов в день?

ШЕРШЕНЕВИЧ. Один раз высидишь пару, другой — пяток!

ПОКЛОННИЦА. И... поэмы тоже так?

ШЕРШЕНЕВИЧ. Поэмы? *(Входя все больше в игру.)* Позавчера проснулся. Озноб. Голова пылает. Надел шапку, шубу, влез в валенки. Сел за стол. Писал-писал, рука онемела. Под конец положил голову на стол и заснул.

ПОКЛОННИЦА. А... поэма?

ШЕРШЕНЕВИЧ. А это уж – когда проснулся. Читаю, верно, поэма. Называется «Сорокоуст».

Дама от восторга падает в обморок.

ШЕРШЕНЕВИЧ. *(подхватывая её)* Э... э... Дамочка, я пошутил. Серёга! Это все к тебе... *(Утаскивает даму)*

РЕЖИССЁР. Так. Нормально. Спасибо. Снято.

СЦЕНАРИСТ *(листает сценарий)*. Дальше у нас сцена Есенина с Блоком... Но мы можем снять Блока... одного... пишущего дневник после визита Есенина.

РЕЖИССЁР. Опять... импровизация?

СЦЕНАРИСТ. Петербург. Кабинет Александра Блока

(Реквизитор приносит актёру ручку с чернильницей и тетрадь)

РЕЖИССЁР. Мотор.

АССИСТЕНТ. Эпизод 9/1, дубль первый.

КАДР 5.

Александр Блок и другие.

На экране виды улиц Петербурга.

БЛОК *(пишет)*. 9 марта 1915 года. Днём у меня рязанский парень со стихами. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные.

Звонит в колокольчик. Приходит горничная, приносит чашечку чая с коньяком на серебряном подносе.

22 апреля 1915 года. Дорогой Сергей Александрович!

Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с вами видеться.

Трудно загадывать вперёд, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные. Только всё-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий. И чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать.

Блок звонит в колокольчик. Приходит горничная, приносит чашечку чая без коньяка на серебряном подносе. За окном слышны выстрелы.

ГОРНИЧНАЯ *(прислушивается)*. Стреляют!

БЛОК. За каждый шаг свой, рано или поздно придётся дать ответ. А шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унёс, и чтобы болото не затянуло.

Будьте здоровы, жму руку. Александр Блок.

Звонит в колокольчик. Горничная в красной косынке приносит чайник. Торопится.

4 января 1918 года. Есенин теперь женат. Привыкает к собственности. Служить не хочет.

Звонит в колокольчик.

ГОЛОС ГОРНИЧНОЙ ЗА КУЛИСАМИ: «Фёдор! Обслужи хозяина! Я — на митинг. Некогда мне».

Фёдор приносит стакан воды.

22 января 1918 года. Декрет об отделении церкви от государства. Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем вечере. Толпа кричала по адресу его, Белого и моему: Изменники! Господа, вы никогда не знали России и никогда её не любили.

Звонит в колокольчик. Никто не приходит. Пауза. Выстрелы за окном.

21 февраля 1918 года. Немцы продолжают идти. 15 тысяч с красными знамёнами навстречу немцам под расстрел. Есенин записался в боевую дружину.

РЕЖИССЁР. Снято. Так, дальше снимаем 18 год, Россия, гражданская война, окопы. Проверить грим, костюмы. *(Ассистент выносит детали костюмов.)*

АКТЁР на роль солдата *(готовясь к роли)*. "Ты, Рассея моя... Рас...сея... Азиатская сторона!..." А... "Рас...сея..." — Рассея, имя девушки, женщины, бабушки рассеянной: так в деревнях называют неумех, забывчивых, доверчивых и надеющихся на чужую доброту, а вдруг — обман, вдруг — трагедия, Россия наша, Русь.

РЕЖИССЁР. Ну что, готовы?

АКТЁР. Ужо.

РЕЖИССЁР. Мотор!

Ассистент отбивает кадр.

КАДР 6.

На экране лица солдат 18 года.

ПОЧТАЛЬОН. Сорокин, тебе пакет.

СОРОКИН. *(Вынимает письмо и маленькую книжку)*. С. Есенин. «Радуница» *(читает письмо)* «Посылаю тебе книжку Сергея, куда вошли и знакомые нам с тобой стихи,— Думаю, что ты, так же как и я, будешь обрадован первой поэтической ласточке нашего друга. Почитай стихи товарищам и, пожалуйста, сообщи, как они их встретят. Судя по твоим письмам, они в большинстве крестьяне, и поэтому я верю, что стихи Есенина им понравятся...»

СОЛДАТ. Есенин? Не знаю. А он понятней Платона?

СОРОКИН. А при чём тут Платон?

СОЛДАТ. Да мы тут Платона читали — «Пир». Складно написано, только непонятно. Ведь и зовут по-русски. У нас на деревне пастуха Платоном тоже звали, а вот ничего не поймешь...

СОРОКИН *(смеётся)*. Вот послушай. *Читает одно из стихотворений сборника «Радуница», например.*

«Вытлкался на озере алый свет за-ри...»

СОЛДАТ (*повторяет последние строки*). Есть тоска весёлая в алостях зари... М-да... Это будет по-понятней Платона...

РЕЖИССЁР. Снято.

СОЛДАТ. Может еще дубль?

СЦЕНАРИСТ. Не надо.

РЕЖИССЁР. Не надо. (*Читает по сценарию.*) Так, Москва, зима 19 года, Почти во всей Москве отключили отопление. Пошла массовка. (*обращаясь к зрителям*) Замерзаем, господа, замерзаем... Да, господа, кстати, не забудьте, играем товарищей, 19 год – замерзающих товарищей. (*Снова заглядывает в сценарий.*) А в доме, где Есенин выбил квартиру под «коммуну поэтов», отопление не отключено. Здесь пошла пьяная массовка... Почему пьяная?

СЦЕНАРИСТ. Потому что пьяная. (*Пауза.*) Пили поэты. (*Пауза.*) В девятнадцатом году.

РЕЖИССЁР. В 19-ом... Тогда, ладно. Мотор!

КАДР 8.

На экране что-то из картин авангардистов.

На сцене пьяная массовка одновременно читает друг другу стихи.

ИВНЕВ (*перекрикивая шум, другому поэту*). Есенин уговорил меня переехать сюда... Но работать здесь – невозможно. Хорошо, что я оставил за собой свою комнату. Я ухожу немедленно. (*Собирается уходить.*)

ДРУГОЙ ПОЭТ. Только не забудь, что сейчас у нас, здесь, тепло. А в твоей комнате вода замерзает в стакане.

Ивнев остаётся. Выходит одна из подвыпивших поэтесс.

1-я ПОЭТЕССА. А вы слышали, что эти имажинисты вытворяют? (*Ивнев уходит, к ней подходит вторая.*)

2-я ПОЭТЕССА. Имажинисты? А, это где Серёжа Есенин?

1-я ПОЭТЕССА. Они ночью улицы переименовали. Сняли таблички и повесили другие. (*Смеётся*) Большая Дмитровка стала улицей имажиниста Кусикова, улица Петровка стала улицей имажиниста Мариенгофа, Кировская сделалась улицей имажиниста Эрдмана. Кузнецкий мост стал Есенинским, Большая Никитская – улицей имажиниста Шершеневича.

В это время с другой стороны сцены высвечивается Мать Есенина и начинает читать молитву за чадо.

МАТЬ. Господи Иисусе Христе, сыне Божий, молитв ради пречистыя твоя матери и всех святых, помилуй нас. буди милость твоя на сыне моём Сергее, сохрани его под покровом Твоим, покрый от всякаго лукаваго похотения...

ДРУГОЙ ПОЭТ (*встревая*). Что – улицы ... Это цветочки Они на стене монастыря такое написали... Да ещё такой краской, что теперь оттирают день и ночь, и до конца оттереть не могут.

1-я ПОЭТЕССА. А куда же люди смотрели?

ДРУГОЙ ПОЭТ. Шершеневич подошёл к милиционеру, показал удостоверение, и сказал, что художникам поручено написать антирелигиозные лозунги. Милиционер при тусклом свете фонаря поглядел на удостоверение и махнул рукой. Любопытные стали толпиться у стены. Поэт Кусиков сказал милиционеру, что могут

толкнуть стремянку, и художник полетит на тротуар, расшибётся. Тогда милиционер стал кричать: «Проходите, граждане, не задерживаетесь!»

2-я ПОЭТЕССА. А что написали?

ДРУГОЙ ПОЭТ. Есенин придумал... *(Начинает читать стихи беззвучно. Молитва усиливается, не давая нам услышать текст.)*

МАТЬ. Матерь Божия. Заступница, Царица небесная! Отжени от него всякого врага и супостата, отверзи ему уши и очи сердечные, даруй умиление и смирение сердцу его.

Ты надежда ненадёжных, Ты отчаянных спасение, да не порадует враг о душе его!

РЕЖИССЁР. Снято. Отдохните, перерыв.

Из массовки выскакивает Претендент на роль Есенина.

ПРЕТЕНДЕНТ. Дайте мне попробовать сыграть Есенина. Любую сцену. Я готов. Я давно мечтал. Я уже во сне репетирую.

РЕЖИССЁР. Перерыв. У нас производственное совещание.

Все актёры уходят. Ассистент несёт кофе, всё тот же, но уже подостывший.

РЕЖИССЁР. Сейчас надо снимать сцену: Есенин, Зинаида Райх, Мейерхольд. Есенина нет. Райх я тоже сегодня не видел.

СЦЕНАРИСТ. Она уехала на фестиваль.

РЕЖИССЁР *(с злой иронией)*. В Канны?

СЦЕНАРИСТ. В Новосибирск.

РЕЖИССЁР. Дивно. А Мейерхольд?

СЦЕНАРИСТ. У него трубу прорвало.

РЕЖИССЁР. Что?

ПРЕТЕНДЕНТ *(тихо подкрavшись)*. А можно, я попробую Есенина...

СЦЕНАРИСТ и РЕЖИССЁР *(вместе кричат)*. Уйдите!

Пауза. Ассистент уносит кофе.

СЦЕНАРИСТ. Давайте вообще не снимать про Мейерхольда. Он, между прочим, после читки отказался ставить есенинского «Пугачёва», сказал, что там отсутствует действие. А Любимов поставил... правда, спустя много лет.

РЕЖИССЁР. Да Бог с ним, с Мейерхольдом, но – Зинаида Райх! Она законная жена, родила Есенину двоих детей.

В процессе спора актёры возвращаются после перекура. Претендент на роль Есенина тащит одну из актрис.

ПРЕТЕНДЕНТ. Вот, она может, она знает роль Зинаиды Райх! Посмотрите, она даже похожа...

РЕЖИССЁР. Я не понимаю, в чем дело, почему все-время мешают? Сумасшедший дом... *(Уходит, ища толи валидол, толи сигареты.)*

СЦЕНАРИСТ. Ну куда вы лезете? Есенина он хочет сыграть, в зеркало смотреть надо... У нас серьезный творческий процесс. Понимать надо... *(Уходит вслед за режиссёром.)*

Пауза.

АКТРИСА. Я же говорила, не надо... *(Собирается уходить.)*

ПРЕТЕНДЕНТ. Вы помните,

АКТРИСА. Что?

ПРЕТЕНДЕНТ. Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Актриса понимает, что это текст Есенина

Вы говорили:

Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

На экране появляется портрет Зинаиды Райх

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

АКТРИСА. Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состояньи.

Входит один из актеров с книгой Есенина

АКТЕР. Не жалею, не зову, не плачу...

ПРЕТЕНДЕНТ. Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Входит Актер с гитарой, услышав последние слова, запекает романс Есенина на эти стихи. Постепенно вокруг песни собирается вся съемочная группа, к концу песни поют хором.

Вбегают взмыленные режиссёр со сценаристом.

РЕЖИССЁР. Скорее. Все по местам.

АКТЕР. Такую песню испортили...

СЦЕНАРИСТ. Приехала актриса на роль Дункан. У неё очень мало времени, нам нужно всё успеть.

ПРЕТЕНДЕНТ. И какую-то женщину сорока с лишним лет

Называл вздорной девочкой...

АКТРИСА. Тихо ты....

РЕЖИССЁР. Снимаем подряд все сцены с Дункан.

АССИСТЕНТ. Эпизод такой-то, дубль такой-то.

КАДР 9

Айседора Дункан, Переводчик, Кучер.

Переводчик усаживается в пролётку с Айседорой Дункан.

На экране Московская улица, Извозчики.

ПЕРЕВОДЧИК (*извозчику*). Трогай!

АЙСЕДОРА. Читайте мне Есенина!

ПЕРЕВОДЧИК. Но вы же всё равно не понимаете по-русски.

АЙСЕДОРА. Читайте, как он... Он читал мне свои стихи в тот вечер, когда мы познакомились! Я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка... Ну, читайте же!

ПЕРЕВОДЧИК. Мне осталась одна забава:

Пальцы в рот и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,

Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в Бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

АЙСЕДОРА. Но почему медленно едем? Я хочу быстрее!

ПЕРЕВОДЧИК. Что заснул, милейший? Ты же не кислое молоко везёшь!

ВОЗНИЦА (*дернув вожжами, причмокнув*). Но-оо!

ПЕРЕВОДЧИК. Золотые, далекие дали!

Все сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

АЙСЕДОРА. Опять медленно! Ну, быстрее же, быстрее!

ПЕРЕВОДЧИК. Ты что, крысу удавил на вожжах?

ВОЗНИЦА (*дернув вожжами, причмокнув*). Но-оо!

ПЕРЕВОДЧИК. Дар поэта — ласкать и карябать,

Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

АЙСЕДОРА (*рассердившись*). Нет. Вы не то говорите ему! Нет, Езенин говорит им всегда что-то такое, после чего они сразу едут быстро... (*Переводчик смущается.*) Вы... Нет, нет, не те слова. Езенин говорит очень энергичное, как при игре в шахматы... не могу вспомнить. После этого они сразу гонят лошадей...

ПЕРЕВОДЧИК (*справившись с неловкостью*). Пересядьте пожалуйста... вот сюда. (*Пересаживает Айседору на противоположное сиденье.*) И, если можно, отвернитесь. (*Айседора отворачивается. Переводчик поворачивает к себе кучера, и говорит ему на ухо что-то крепкое. Кучер встrepенулcя, гикнул, свистнул и пролётка помчалась во всю мочь.*)

.....

РЕЖИССЁР. Очень хорошо, снято. Сцену свадьбы пропускаем. Америку пропускаем. Париж. Комната Айседоры. *(показывает место на сцене)* И голос за кадром *(Показывает место Актёра)*

СЦЕНАРИСТ. Но в комнате Дункан – Есенин. Давайте посадим кого-нибудь спиной.

ПРЕТЕНДЕНТ. Меня, меня!

РЕЖИССЁР *(оглядев актёров)*. Пожалуй, я сам сяду. *(Оператору.)* Текст мы потом озвучим.

ПРЕТЕНДЕНТ *(Рычит утробно)*. А-а-а-а!

РЕЖИССЁР. Айседору снимаем крупным планом.

(Ассистент пробегает, хлопая хлопушкой.)

КАДР 10

Айседора Дункан, Дублер Есенина, Актёр «за кадром».

На экране Эйфелева башня и другие виды Парижа.

РЕЖИССЕР ЗА ЕСЕНИНА *(читает по сценарию письмо из-за границы)*. Изадора прекраснейшая женщина, но врёт не хуже Ваньки. Все её банки и замки, о которых она пела нам в России – вздор. Сидим без копеечки, ждём, когда соберём на дорогу и обратно в Москву.

АЙСЕДОРА *(весело)*. Что мы будем сегодня есть? Эту софу или этот книжный шкаф? *(Крутится перед зеркалом, прихоращивается, старается понравиться Есенину.)*

«ЗА КАДРОМ». Не каждый умеет петь,

Не каждому дано яблоком

Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,

Которой исповедуется хулиган. *(Повторяет эти строки в пол голоса.)*

РЕЖИССЕР ЗА ЕСЕНИНА *(читает по сценарию письмо из-за границы)*. Если бы вы бы меня сейчас увидели, то Вы, вероятно, не поверили бы своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Все далось мне через тяжелый неврит и неврастению, но теперь и это кончилось. *(Продолжает бубнить письмо в полголоса.)*

«ЗА КАДРОМ». Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

Ваших душ безлиственную осень

Мне нравится в потёмках освещать.

Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей грозы,

Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

РЕЖИССЕР ЗА ЕСЕНИНА *(Айседора вьётся около пишущего)*. Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширный рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! До чего прекрасна и богата Россия в этом смысле!

«ЗА КАДРОМ». Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон ольхи,

Что где-то у меня живут отец и мать,
 Которым наплевать на все мои стихи,
 Которым дорог я, как поле и как плоть,
 Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.

Они бы вилами пришли вас заколоть
 За каждый крик ваш, брошенный в меня.

РЕЖИССЕР ЗА ЕСЕНИНА. Милый, милый Илья Ильич! Изадора в сильном беспокойстве о Вас. Пишите, что вообще, ещё нужно? Со школой, конечно, в Европе Вы произведете фурор. С нетерпением ждем Вашего приезда.

«ЗА КАДРОМ». Бедные, бедные крестьяне!

Вы, наверно, стали некрасивыми,
 Так же боитесь Бога и болотных недр.

О, если б вы понимали,

Что сын ваш в России

Самый лучший поэт!

РЕЖИССЕР ЗА ЕСЕНИНА. Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне очень больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая окружает ее. Когда приедете, воздух немного проветрится.

«ЗА КАДРОМ». Башка моя, словно август,

Льётся бурливых волос вином.

Я хочу быть жёлтым парусом

В ту страну, куда мы плывём.

СЦЕНАРИСТ. Снято.

РЕЖИССЁР (*выходя из образа*). Снято?.. А что у нас дальше?

СЦЕНАРИСТ. Следующая сцена? Вагон поезда Баку-Тифлис. Свет быстренько сюда. (*Переводит Актрису на новую точку.*) Сюда, пожалуйста. (*Ассистент пробегает, хлопая хлопушкой.*)

КАДР 11.

Режиссёр, Посыльный, Айседора, Переводчик, Галина Бенеславская.

На экране – портреты Айседоры Дункан.

Посыльный идёт по вагону поезда, пройдя мимо купе с Дункан и переводчиком, возвращается, внимательно заглядывает в купе. Вызывает переводчика.

ПОСЫЛЬНЫЙ (*перекрикивая шум поезда*). Можно вас на минуточку? (*Переводчик выходит.*) Правда ли, что в этом вагоне едет Айседора Дункан?

ПЕРЕВОДЧИК. Да. А что?

ПОСЫЛЬНЫЙ. У меня к ней письмо от Есенина. Есенин узнал, что я еду на Кавказ, тут же написал и просил передать ей, сказал, что Дункан где-то на Кавказе.

АЙСЕДОРА (*выхватывая письмо, читает его*). Он приедет в Крым, если Айседора там будет. Crime? Почему Крым? А!.. Крым. Мы едем в Крым. (*Начинает собирать вещи для пересадки.*)

ПЕРЕВОДЧИК. Гастроли... Гастроли в Новороссийске и Краснодаре – уже объявлены. Билеты продаются!

АЙСЕДОРА. Есенин написал мне, что приедет, если я буду в Крыму! Мы едем в Крым!

Выходит Бениславская.

БЕНИСЛАВСКАЯ. Телеграмма для госпожи Дункан. *(Отдаёт переводчику.)* «Писем и телеграмм Есенину больше не шлите. Он со мной. К вам не вернется никогда. Галина Бениславская».

АЙСЕДОРА *(делая вид, что не понимает смысла телеграммы)*. Я открыла крышку и вдруг увидела, как по стенкам сундука побежал огромный паук... Я так испугалась, сдернула туфлю и одним ударом убила его! Это было одно мгновение. И вот, я думаю... В этом сундуке, может, родился и годами жил паук. Это был его мир, его вселенная, за которой не было ничего или было Неизвестное. И вдруг в этот его мир хлынуло что-то невиданное, непонятное и ослепляющее! И тут же наступила смерть! Может, и мы живем в таком шляпном сундуке?

РЕЖИССЁР. Стоп, снято. *(Выбегает на площадку, целует руки актрисе, провожая её.)* Спасибо! Спасибо. Вот, как надо работать. А теперь – перерыв. Все отдыхаем.

Актеры расходятся, одна из актрис достает из сумки термос, бутерброды.

АКТРИСА. И чего они все по нему сохли?

2-я АКТРИСА. Ты что, он же такие стихи писал!

АКТРИСА. Ну и что?

2-я АКТРИСА. Значит – как чувствовал! Как любил!

АКТРИСА. Да никого он не любил, кроме себя.

2-я АКТРИСА. Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нём.

Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнём.

АКТРИСА. Это на словах. А на деле – Изряднову с сыном бросил, Зинаиду Райх с двумя детьми – бросил.

2-я АКТРИСА. Изряднова до конца жизни говорила, что Серёжа святой человек. Райх с ним встречалась, уже будучи женой Мейерхольда. А к детям он приходил.

АКТРИСА. В гости... Изредка...

2-я АКТРИСА. Но почему-то они все его любили.

АКТРИСА. Вот именно – они его, а не он – их.

2-я АКТРИСА. А вот Дункан он любил.

АКТРИСА. Как же! Ради её славы женился. Бил себя в грудь: «Я Дункан! Я Дункан!» На сестре Шаляпина придумал было жениться. Да не вышло.

2-я АКТРИСА. Быть поэтом – это значит, тоже,

Если правды жизни не нарушить,

Рубцевать себя по нежной коже,

Кровью чувств ласкать чужие души.

Режиссёр и Сценарист появляются после перерыва.

АКТРИСА. Да что же у них перерывы такие маленькие...

РЕЖИССЁР. Так, что у нас дальше? Комната в издательстве. Есенин и Мариенгоф.

ПРЕТЕНДЕНТ. Можно, я попробую! Ну, что вы теряете?

РЕЖИССЁР. Опять вы?

ПРЕТЕНДЕНТ. Хотя бы одну сцену. Что вы теряете?

СЦЕНАРИСТ. Но поймите, у вас ...совсем другая фактура.

РЕЖИССЁР (*задумался, глядя на претендента*). А... действительно, что мы теряем? Попробуй.

АССИСТЕНТ. Мотор?

СЦЕНАРИСТ. Может, не надо мотора?

РЕЖИССЁР. Сделаем пробный дубль.

КАДР 13

Мариенгоф работает, Есенин приходит после очередной победы, элегантный, задорный, насмешливый.

ЕСЕНИН. Трудно тебе будет, Толя, в лаковых ботиночках и с проборчиком, волосок к волоску. Как можно без поэтической рассеянности? Разве витают под облаками в брючках из-под утюга! Кто этому поверит? Вот, смотри, Белый. И волос уже седой, и лысина, а перед кухаркой своей, что исподники ему стирает, и то вдохновенным ходит. А еще очень не вредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят... Каждому надо доставить свое удовольствие. Знаешь, как я на Парнас восходил? (*весело, по-мальчишески, захохотал*) Тут, брат, дело надо было вести хитро. Пусть, думаю, каждый считает, что он меня в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввел? Ввел. Клюев ввел? Ввел. Сологуб с Чебатаревской ввели? Ввели. Одним словом: и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев... поволок он меня от знаменитости к знаменитости, свои «ахи» расточая. Сам же я —скромного, можно сказать, скромнее. От каждой похвалы краснею, как девушка, и в глаза никому от робости не гляжу. Потеха! (*Посмотрел на свой американский ботинок*) Знаешь, и сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил и поддевки такой задрипанной в какой перед ними предстал. Говорил им, что еду в Ригу бочки катать. Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денек, на два, пока партия моя грузчиков подберется. А какие там бочки — за мировой славой в Санкт-Петербург приехал, за бронзовым монументом...

РЕЖИССЁР. Снято.

СЦЕНАРИСТ. Народ у нас даровит. Но жулик!..

РЕЖИССЁР. Да? Вы считаете?.. Ну, а кто нынче — не жулик?

СЦЕНАРИСТ. Да я не про наших, не про актёров. (*Просмотрев в сценарий.*) Это говорит Любовь Дмитриевна Менделеева — фраза из сценария.

ПРЕТЕНДЕНТ. Ну, а со мной — как?

Режиссёр и Сценарист переглядываются.

РЕЖИССЁР. Подумаем. А пока... Снимем следующую сцену?

СЦЕНАРИСТ. Галина Бениславская с подругой. Комната в Брюсовском переулке.

Пробегают Ассистент с хлопушкой.

КАДР 14.

Галина Бенеславская, Подруга.

ПОДРУГА. Галка! Я тут стих один нашла, про твоего любимца.

ГАЛИНА (*радостно*). Про Серёжу?

ПОДРУГА (*читает*). Осточертели эти самые самородки

От сохи, от земли, от земледелия,

Довольно этой косоворотки и водки

И стихов с похмелья!

ГАЛИНА. Это неправда! Врут! Писал он – трезвый.

ПОДРУГА (*читает*). В сущности, не так уж много

Требуется, чтобы стать поэтами:

Запустить в Господа Бога

Тяжёлыми предметами,

ГАЛИНА. Отдай газету!

ПОДРУГА (*читает*). Расшвырять сообразно со вкусами,

Письменные принадлежности,

Тряхнуть кудрями русыми,

И зарыдать от нежности

ГАЛИНА. Я не буду слушать эту гадость (*затыкает уши*).

ПОДРУГА (*читает*). Не от того, говорит, я хулиганю,

Что я оболтус огромный,

А от того, говорит, я хулиганю,

Что я такой чернозёмный.

ГАЛИНА. Я не слушаю, не слушаю, не слушаю!

ПОДРУГА (*читает*). У меня, говорит, в одном нерве

И сказуемые и подлежащие.

А вы, говорит, все – черви

Самые настоящие!

Галина плачет.

ПОДРУГА. Ты чего?.. Да брось ты, Галка, не расстраивайся. Может, это вовсе и не про него. Тут же нигде не написано. (*Галина, плача, уходит, оставляя газету.*)

Яков Черняк проходит мимо оставленной газеты, читает в ней что-то, вслед за ним появляется актер с гитарой.

ЯКОВ ЧЕРНЯК (*глядя в газету*).

В декабре разыгралась пьяная скандальная история с поэтами Сережей Есениным, Клычковым и Орешиним. Их судили за дебош в пьяном виде. (*Человек с гитарой подходит, смотрит в ту же газету.*) На суде говорилось столько мерзостей и пошлостей, что трудно вспоминать. (*Человек с гитарой, наигрывая, отходит.*)

Душа Есенина предстала мне вдруг начиненной таким разгулом, беззаконием — стихийностью. Что же это такое? Сила таланта его – громадная. Коренится этот талант в той самой стихийности, а житейски приводит эта стихийность его к сплошному безобразию. Если будет время, я восстановлю эту историю в памяти полнее, соберу газетные статьи, вспомню разговоры, и тогда запишу.

Человек с гитарой поёт романс на стихи «Отговорила роща золотая...»

РЕЖИССЁР (*читает по сценарию*). Шум улицы, звон трамвая, снуют прохожие. Массовка! Пошла массовка. (*Зрителям.*) Вы едете в трамвае. (*Актёрам.*) А вы идёте по улице. Есенин... Где... ну, тот новый, который хотел?

1-й АКТЕР. Где он?

2-й АКТЕР. Ну, где же?

3-й АКТЕР. Ушёл, что ли?

АССИСТЕНТ (*замечает Его в углу*). Да вот же он. Пишет что-то. (*Подходит к претенденту, заглядывает через плечо.*) Ой, стихи. (*Толкает его на сцену.*)

РЕЖИССЁР (*оператору*). Снимай. Мотор.

Пробегаёт Ассистент с хлопушкой.

КАДР 16.

На экране – улицы Москвы начала века.

ПЕРЕВОДЧИК (*окликает одного из прохожих*). Сергей Александрович!

ПРЕТЕНДЕНТ-ЕСЕНИН. А?... Да... Минуточку... Сейчас.

ПЕРЕВОДЧИК (*в зал*). Я смотрел па него, и не узнавал; он очень изменился, похудел, как-то посерел, и глаза потускнели. Но улыбка все та же, подкупающая, чистая, как у ребенка. Сергей Александрович!

ЕСЕНИН (*узнав, бросился здороваться*). Илья Ильич!

ПЕРЕВОДЧИК. Почему Вы к нам не приходите? «Дунканята» так выросли! А как танцуют!

ЕСЕНИН (*неожиданно грустно*). А вы знаете? Я женился!

ПЕРЕВОДЧИК. Знаю.

ЕСЕНИН (*отходя*). Правда, хорошо? Сергей Есенин женат на внучке Льва Толстого?!

ПЕРЕВОДЧИК (*в спину Есенину*). Очень хорошо...

ЕСЕНИН (*садится на лестнице, пишет*). Милая, милая... Простите ещё раз за то, что беспокою Вас. Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал, без славы, без мечтаний. Тесно в нём живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. (*Оставляет листок, на котором писал.*)

КАДР 17.

На экране – вид ночного неба.

Актёр с гитарой негромко наигрывает песню «Ты жива ещё, моя старушка...». Прохожие преобразаются в гостей. Вечеринка. Все переговариваются, снуют по сцене. Смех.

Актёр находит оставленный листок, читает. Остальные движутся на заднем плане в немым режиме.

АКТЁР. Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!

Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

(Голоса за его спиной.)

1 АКТЕР. - Вы слышали?

2 АКТЕР. - Что?

1. АКТЕР - Вы ещё не слышали?

3. АКТЕР - А про что?

1. АКТЕР - Про Есенина.

2. АКТЕР - Что?

3 АКТЕР. - Да что?

4. АКТЕР - Есенин?

1 АКТЕР. - Повесился. *(пауза)*

АКТЕР С ГИТАРОЙ *(поёт)*. Ты жива, ещё моя старушка?... *(1-й куплет, продолжает играть на гитаре.)*

Голоса:

3. АКТЕР - А я слышала, что его убили.

4. АКТЕР - Что-то политическое.

2. АКТЕР - Сплетни!

1 АКТЕР. - Да сам он, по пьяни.

4 АКТЕР. - Бабы довели.

3 АКТЕР. - А я уверена – убили!

1 АКТЕР. - Повесился. В Ангелетере, в гостинице.

2. АКТЕР - Погиб поэт, невольник чести...

3. АКТЕР - Не юродствуй!

1 АКТЕР. - Да он же сумасшедший был. В клинике лечился.

4. АКТЕР - Он работать ехал в Питер. Журнал хотел издавать.

2. АКТЕР - Пьяница он и хулиган.

4. АКТЕР - Да я тебя за Серёгу!.. (*Хватает обидчика за грудки, ссору прерывает песня.*)

Актёр с гитарой поёт песню «Ты жива, ещё, моя старушка?..» - 2-й куплет. Продолжает тихонько наигрывать на гитаре.

КАДР 18.

на берегу Оки Дед и Никола.

Остальные исчезают в темноте.

ДЕД. Вот, Никола, подолгу сижу я здесь, на берегу Оки... Все вспоминаю, что – было... аи что будет. Всегда ношу я с собой эту книжицу – Поминанье. Всех своих родных и знакомых усопших я записываю. Вот записан твой отец, вот мать твоя — моя племянница Вера, братишка твой Володя. А в конце, ищи и читай, записан твой приятель.

НИКОЛА (*берёт, перелистывает, читает*). Раб божий Сергей. Сын Александра Никитича и Татьяны Федоровны Есениных. Был писателем. Скончался в Петрограде, в гостинице. На Ваганьковском кладбище похоронен.

ДЕД. Не стал я писать, какую смертью-то он умер. Нехорошее это дело, прости ему господи.

АКТЕР С ГИТАРОЙ поёт песню «Ты жива, ещё, моя старушка?..» - последний куплет.

Пауза.

Эпилог.

РЕЖИССЁР. Всем спасибо. Съёмка окончена.

СЦЕНАРИСТ (*вбегая*). Приехал актёр... Есенин приехал. Можно снимать.

РЕЖИССЁР. А мы уже всё сняли.

СЦЕНАРИСТ. Но в сценарии он есть. Надо доснять!

(*Актёры тревожно ждут решения.*)

РЕЖИССЁР. Не надо.

СЦЕНАРИСТ. Как это не надо?

РЕЖИССЁР. О поэте говорят стихи. (*Всем.*) Вот так и назовём наш фильм. Съёмка окончена. Всем спасибо.

Под звуки песни – поклон всех участников.

К о н е ц